

УТВЕРЖДАЮ
Врио директора
Федерального
государственного
бюджетного учреждения
науки Институт
востоковедения
Российской академии
наук, кандидат
исторических наук

А.К. Аликберов

«23» ноября 2020 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации

**Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Институт востоковедения Российской академии наук
на диссертацию Дудина Павла Николаевича «Государственность
Внутренней Монголии в конце XIX – первой половине XX вв.»,
представленную на соискание ученой степени
доктора исторических наук
по специальности 07.00.03 – всеобщая история**

Научная и практическая актуальность диссертационного исследования П.Н. Дудина не вызывает сомнения. Она обусловлена, прежде всего, тем местом, какое Внутренняя Монголия как часть монгольского мира играла в истории монгольских народов, взаимоотношений между Монголией и Китаем, между Россией, Монголией, Китаем и Японией в конце XIX – первой половине XX вв. В этот период Внутренняя Монголия была в составе Цинской империи и представляла собой арену столкновения национальных интересов и соперничества между Китаем, Россией и Японией, играла важную роль в геополитических планах Японии. Внутренняя Монголия играла также существенную роль в становлении китайской государственности в Китае, монгольской государственности в МНР/современной Монголии в первой половине XX в.

В настоящее время Автономный район Внутренняя Монголия (АРВМ) – один из пяти автономных районов Китая, третья по величине административно-территориальная единица, динамично развивающийся регион по объему валового регионального продукта. Роль и значение Автономного района Внутренняя Монголия во внутренней и внешней политике, экономике КНР постоянно возрастает. Соответственно возрастает потребность в углублении и расширении накопленных знаний об истории приграничных стран и территорий, в том числе Внутренней Монголии.

Диссертант справедливо отмечает, что, несмотря на обилие отечественной и зарубежной литературы по истории Китая этого периода, включая Внутреннюю Монголию, «остается большое количество «белых пятен», не позволяющих в достаточной мере давать объективную оценку и строить научный прогноз» (т. 1, с. 6). К числу таких «белых пятен», в частности, относится история государственности Внутренней Монголии в условиях неоднократной смены внутренних и внешних условий. До начала 2000-х годов история государственности Внутренней Монголии в конце XIX–первой половины XX вв. не была в центре внимания российских/советских исследователей. В связи с этим следует отметить, что П.Н. Дудин одним из первых среди современных отечественных востоковедов обратил внимание на это «белое пятно» и выбрал эту, безусловно, большую, сложную, многоаспектную, междисциплинарную, малоисследованную проблему для диссертационного исследования. Данная работа является уникальной в отечественном востоковедении по детальности анализа эволюции государственности Внутренней Монголии в 1920-х – 1940-х гг.

Четко сформулированы цель и задачи исследования. Цель состоит в том, чтобы «дать характеристику процесса становления государственности Внутренней Монголии в конце XIX – первой половине XX в. в контексте геополитических сценариев и исторических процессов, которые привели ее к статусу автономного района в составе Китайской Народной Республики» (т.

1, с.7). В соответствии с целью поставлен ряд задач, в том числе: определить статус государственных институтов Внутренней Монголии; определить место Внутренней Монголии и составляющих ее территорий в системе Цинской империи; выявить внутренние и внешние факторы трансформации статусов монгольских территорий в период между началом революционного движения и вторжением Японии в Маньчжурию; реконструировать японскую политику по преобразованию государственных систем монгольских территорий, которые оказались в сфере влияния Японии в период китайско-японского конфликта и второй Китайско-японской войны 1930-1940-х гг., и встраиванию их в Великую Восточноазиатскую сферу взаимного процветания; охарактеризовать динамику политических и государственных институтов, исследовать ключевые события и обстоятельства развертывания автономистского движения в центральных аймаках Внутренней Монголии и дать оценку последствиям; обосновать закономерность первой консолидации центральных аймаков Внутренней Монголии на базе государства Мэнцзян, определить его место в системе взаимоотношений в Маньчжурии и Внутренней Монголии в преддверии и во время Второй мировой войны; дать оценку действий политических сил и государственных деятелей Внутренней Монголии в послевоенный период в попытках создания обновленных государственных институтов; охарактеризовать роль и значение КПК в отношении национального, в том числе монгольского вопроса в послевоенный период (т.1, с. 7-8).

Объектом исследования избран автономный район Внутренняя Монголия в составе КНР, предметом исследования – закономерности и особенности исторического процесса развития государственности Внутренней Монголии в указанный период с учетом ее статуса и места в отношениях между Россией и Японией.

Хронологические рамки исследования, в частности, его нижняя граница обоснованы тем, что в конце XIX–начале XX вв. Цинская империя находилась в кризисе, который сопровождался ростом национально-

освободительного движения монгольских народов во Внешней и Внутренней Монголии. Верхняя граница исследования обусловлена образованием Автономного района Внутренняя Монголия в составе Китайской Республики в 1947 г.

Территориальные рамки исследования не ограничиваются только территорией Внутренней Монголии, но также охватывают другие провинции Китая (Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин, Шанси, Нинся-хуэйский автономный район) с монгольским населением, что способствует расширению поля и полноте исследования.

Научная новизна проявляется во многих отношениях, в том числе в выборе и формулировке темы, в географическом и хронологическом охвате, в новом, современном подходе, методологии, отказе от устаревших, идеологизированных оценок ряда исторических событий и деятелей, в постановке и анализе проблемы государственности Внутренней Монголии и ее развития в соответствии с рубежными поворотами исторического процесса в Восточной Азии, в структуре и содержании работы, заключении и выводах. В отличие от сложившейся традиции рассматривать монгольскую государственность, как правило, в рамках ограниченного пространства и государственных границ, диссертант исследовал развитие государственных институтов Внутренней Монголии в тесной связи с другими монгольскими государственными образованиями, а также с государственными институтами империи Цин и Китайской Республики. Диссертантом предложен новый подход к рассмотрению государственности Внутренней Монголии как одной из составляющих развития китайской государственности (т.1, с.11).

На основе изученных материалов П.Н. Дудин показывает, что одной из основных причин неудачи движения за независимость Внутренней Монголии в начале XX в. была соглашательская позиция части монгольских князей, которые боялись потерять свои привилегии в случае создания единого Монгольского государства под властью Богдо-гэгэна Джебцзундамбахутухты VIII во Внешней Монголии в 1911 г.

Основные положения, выносимые на защиту, отражают содержание работы и представляются обоснованными.

Теоретическая ценность исследования состоит, прежде всего, в том, что в результате уровень изученности государственности Внутренней Монголии, Китая, политики Японии в данной области поднят на новый уровень понимания и теоретического осмысления.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы в деятельности научных, образовательных и правительственных организаций, в том числе при анализе политических институтов отдельных стран и прогнозировании политических процессов в Центральной и Восточной Азии, при выработке внешнеполитических решений в отношении Китая и Монголии, при разработке и чтении курсов лекций по истории Монголии, Китая, России, истории международных отношений и государственного строительства в Центральной и Восточной Азии и др.

Структура работы строго продумана, логична, отражает основное содержание диссертации. Диссертация состоит из введения, 5 глав, 16 параграфов, списка литературы (около 2 тыс. названий) и приложений. В приложениях дана схема структуры монгольских территорий, включая Внутреннюю Монголию, Внешнюю Монголию, Баргу, Алашань, Цинхай и другие территории, находившиеся в подчинении Цинской империи. Приложены копии 11 редких карт Внутренней Монголии, Маньчжурии, Мэнцзяна и других территорий, имеющих отношение к теме диссертации, в том числе карта раздела территории Внешней и Внутренней Монголии в соответствии с секретной частью Русско-японского соглашения 1907 г.

Во Введении обоснована актуальность темы, дана оценка степени ее разработки, определены предмет и объект исследования, сформулированы цель и задачи исследования, определена теоретическая и практическая значимость диссертации, дано общее описание источниковой базы и методологии, научная новизна, определены основные положения, выносимые

на защиту, сведения о достоверности исследования, апробации работы, личном вкладе диссертанта и о структуре работы.

В главе 1 «Историография, источниковедение и методология исторического исследования», которая состоит из 3 параграфов, дана современная оценка состояния исторической науки по данной теме, сделан обзор источников и методологии. В параграфе 1.1 «Место исследований о Внутренней Монголии в отечественной и зарубежной науке» диссертант предлагает свою периодизацию историографии и делит ее на 4 периода, для каждого из которых приводится детальное обсуждение опубликованных работ исследователей. Среди современной российской историографии диссертант выделяет работы Б.В. Базарова, В.В. Грайворонского, В.Д. Дугарова, А.С. Железнякова, С.Г. Лузянина, Ю.В. Кузьмина, В.Г. Дацышена, Л.В. Кураса, М.Н. Балдано, С.Л. Кузьмина, С.В. Мажинского, Б.Д. Цыбенова, Д.Ч. Бороноевой и др. В соответствии с принятой периодизацией диссертант дал также общую характеристику китайской, монгольской (работы Н. Алтанцэцэг, Ц. Батбаяра, Д. Зоригта и др.) и западной историографии (труды О. Латтимора, Дж. Тай, С. Этвуда, У. Булага и др.).

Источниковедческая база достаточно широкая, основательная. Диссертант использовал широкий круг разнообразных опубликованных и неопубликованных источников: материалы архивов России (АВПРИ, РГАСПИ), Китая (опубликованные архивные документы), Монголии (Архив Института истории АН Монголии, Центральный национальный архив Монголии), а также опубликованные исторические источники, справочную и научную литературу и материалы СМИ на русском, китайском, монгольском и английском языках. Особенность данной диссертации в том, что в ней особенно широко использованы материалы, опубликованные в СМИ США, Европы, Азии и Австралии. По утверждению диссертанта, эти материалы в существенной степени помогли ему реконструировать и анализировать ход исторических событий (т.1, с.73).

Методологическая база обусловлена междисциплинарным характером исследования. Диссертант использовал широкий спектр общенаучных подходов, методов и принципов в сочетании с методами и принципами исторической, политологической и юридической наук. В основу работы положен проблемно-хронологический метод. В диссертации дан перечень политологических и юридических определений и дефиниций, используемых в работе (государство, государственность, государствовподобное образование, полития, квазигосударство, суверенитет, международный статус, международный субъект, оккупация и др.). Диссертант опирается на теоретические наработки Л. Оппенгейма, Ч.Ч. Хайда, О. Латтимора, Б.Э. Нольде, В.А. Овчинникова, М. В. Ильина и др. Обсуждение ряда важных понятий ново и вносит ценный вклад в науку (например, понятия "оккупация"). Работа содержит ряд точных и новых выводов, полностью согласующихся с исторической правдой, например: "дефиниция «марионеточный» не является научной, а воспроизводит лишь политическую позицию, в связи с чем ее использование в научном обороте представляется нам нецелесообразным" (т. 1, с. 99);

В главе 2 «Монгольский мир империи Цин и российско-цинского фронта в период республики (конец XIX в. – 1931 г.)» проведен анализ состояния монгольских земель, подчинявшихся Цинской империи в начале XX в., включая Халха-Монголию, Баргу и Внутреннюю Монголию и их трансформации в указанный период. Исследован и поэтапно показан процесс и механизм колонизации монгольских земель Внутренней Монголии в начале XX в., который положил начало ликвидации старой монгольской системы управления, создания особых монгольских районов, превращения их в провинции, перехода к прямому управлению из Пекина. Во втором параграфе проанализирована трансформация статуса Халха-Монголии (Внешней Монголии) и действия русской/советской стороны при формировании монгольской государственности в зоне своего влияния. Проведен также сравнительный анализ становления политических и

государственных институтов на других монгольских территориях, в том числе в Бурят-Монголии и Туве. Диссертант пришел к выводу о правильности пути развития, выбранного этими народами. В параграфе 2.3. «Автономия Барги в составе Китайской Республики и действия Русской дипломатической миссии в Пекине по обеспечению статуса Хулун-Буира» показана история заселения этого региона разными народами и формирования особых, родовых и пограничных институтов управления. Несмотря на тяготение к Внешней Монголии в начале движения за независимость в начале 1910-х гг., в конечном итоге правящий слой Барги принял обособленный автономный статус под прямым управлением центральной власти Китайской Республики. В параграфе 2.4. «Внутренняя Монголия и монгольские государственные институты после Синьхайской революции» основное внимание диссертанта сосредоточено на исследовании трансформации институтов управления в центральных районах Внутренней Монголии (Жэхэ, Чахара и Суйюаня). Особое внимание уделено исследованию роли Комиссии/Бюро по делам Монголии и Тибета как преемника "Палаты по управлению внешними территориями" (Лифанюань). Исследована также политика «мягкой силы» Японии в регионе, благодаря которой ей удалось добиться лояльности со стороны части молодых монголов, которые позднее возглавили движение за автономию.

Глава 3 «Монгольская государственность в Маньчжоу-Го и зоне маньчжурско-монгольского приграничья (1931-1945 гг.)» посвящена исследованию государственности той части Внутренней Монголии, которая частично входила в состав Маньчжоу-Го или находилась под его контролем. В параграфе 3.1. «Место и роль Маньчжоу-Го в системе регионального политического порядка» исследованы трансформации статуса Маньчжурии, которая под влиянием японской военной администрации из родовой вотчины цинского императорского дома Айсинь Гиоро превратилась в новые провинции Китая. Заслуга диссертанта в том, что одним из первых среди отечественных востоковедов исследовал характер и структуру высших

органов Маньчжоу-Го, которое по замыслу японских правящих кругов было создано как своеобразная модель государственного строительства территорий в Китае и Монголии, контролируемых Японией. Особый интерес представляет параграф 3.2. «Формирование монгольской автономии - провинции Синьань (Хинган)», в котором на примере этой провинции исследована японская политика и практика решения национального вопроса. Изучено правовое положение двух районов с особым статусом: казачьей станицы Трехречья и Особого района трех восточных провинций. Главное внимание диссертант сосредоточил на первом губернаторе Северной области/губернаторства Линцэне, с которым были связаны драматические события, ставшие одним из факторов изменения отношения монголов к японцам. В параграфе 3.3. «Восточный Чахар и автономия района Чадун» рассмотрен особый формат первой автономии, созданной при поддержке японских военных. Этот район играл очень важную роль для продвижения японских войск на запад. Рассмотрены идеологические основы формирования Чадунской автономии, главные политические фигуры, в том числе Ли Шоусинь, который возглавил объединенные монгольские вооруженные силы в союзе с войсками Маньчжоу-Го, а также Лю Квейтан, который был одним из администраторов района Чадун и одновременно главой банды. Несмотря на это, по мнению диссертанта, модель формирования политических институтов этого района оказалась успешной и позднее была использована на других территориях. После объединения режимов Дэ-вана и Ли Шоусиня встал вопрос о создании полноценной политической структуры на базе Монгол-Го и возможности провозглашения независимости от нанкинского правительства.

В главе 4 «Автономизация центральных аймаков Внутренней Монголии в преддверии и в ходе китайско-японского конфликта и второй Китайско-японской войны (1932-1937 гг.)», в частности, в параграфе 4.1. «Монгольская автономия и ее место в структуре Китайской Республики» основное внимание диссертанта обращено на формирование Монгольской

автономии в составе аймаков Шилингол, Уланцаб и Ихэчжу, в которых движение за автономию приобрело широкий размах. Встал вопрос о дополнительных гарантиях со стороны центрального правительства Китайской Республики. Несмотря на ряд разногласий, представители монгольской и китайской сторон при содействии Панчен-ламы сумели прийти к консенсусу. 1 января 1934 г. был решен вопрос о создании Монгольской автономии в составе республиканского Китая. Однако в результате противоречий в монгольском руководстве между группой старой аристократии во главе Юнь Ваном и группой молодых монголов во главе с Дэ-ваном, которые стремились провести реформы и осуществить модернизацию страны, произошли вооруженные столкновения. В этих условиях Дэ-ван и его сторонники пошли на сотрудничество с японской военной администрацией. В параграфе 4.2. «Военное правительство Внутренней Монголии – на пути к независимости» рассмотрены действия Дэ-вана и его последователей в ответ на действия нанкинского правительства. В апреле 1936 г. был созван очередной съезд монгольских князей, на котором был создан новый Политический Совет. В мае того же года было создано Военное правительство Внутренней Монголии во главе с князем Юнь Ваном. После объединения с районом Чадун возросла роль Ли Шоусиня, под командованием которого находился корпус маньчжурских солдат. События на этой территории развивались по аналогии с Маньчжоу-Го. По решению командования Квантунской армии процедура провозглашения независимости Внутренней Монголии была отложена по нескольким причинам, в том числе из-за угрозы обострения международной обстановки. Район Чахара находился в состоянии неопределенности до июля 1937 г., когда разразилась вторая китайско-японская война. В параграфе 4.3. «Суйюаньские компании 1936 и 1937 гг. в преддверии второй Китайско-японской войны» диссертант рассмотрел события, связанные с продвижением японских войск в провинцию Суйюань, которая была частью монгольской территории и имела важное значение для китайской и японской

сторон. В ходе первой военной кампании в 1936 г. маньчжуро-монгольские войска потерпели поражение. В ходе второй кампании в 1937 г. им удалось одержать ряд побед, занять города Байлинмяо, Гуйсуй, установить контроль на Северной частью Шанси и Южным Чахаром и сформировать там автономистские режимы.

По мнению диссертанта, события в Суйюане для Дэ-вана и его сторонников имели решающее значение, они стали точкой невозврата, окончательного перехода к сотрудничеству с японцами (т.2, с. 223-224).

В главе 5 «Консолидация и суверенизация монгольских земель: Внутренняя Монголия между началом второй Китайско-японской войны и провозглашением КНР» диссертант рассмотрел основные события, которые произошли на следующем этапе развития государственности Внутренней Монголии (1937-1947 гг.): первое объединение монгольских земель в пределах новой государственной структуры Мэнцзян (1937-1945), второй распад объединения на несколько политий (1945-1947), второе объединение монгольских земель в рамках Автономного района Внутренняя Монголия Китая (1947-1954). В параграфе 5.1. «Объединение монгольских земель под японским контролем: создание и падение Мэнцзяна» диссертант исследовал процесс консолидации монгольских земель и создания при помощи японцев нового государства Мэнцзян на базе конфедеративного образования под управлением Объединенного совета автономных монгольских аймаков, получившего название автономного правительства Внутренней Монголии. Основу конфедерации составили автономия Южного Чахара, автономия Северного Шанси и правительство Монгольского государства (Монгол-Го). Президентом нового государства стал Юнь Ван, а после его смерти Дэ-ван. 4 августа 1941 г. Мэнцзян в составе Китайской Республики под управлением Ван Цзинвэя был преобразован в автономное Монгольское государство. Тем самым, в итоге все усилия монгольских руководителей добиться независимости Мэнцзяна оказались напрасными. В августе 1945 г. после разгрома Квантунской армии советско-монгольскими войсками все

имевшиеся государственные образования и институты на территории Внутренней Монголии были ликвидированы, а их лидеры – арестованы. В параграфе 5.2. «Монгольские национальные окраины Западного Китая: создание и упразднение Алашаньской Республики» рассмотрена история создания при помощи Гоминдана Западно-Монгольской автономии, или Алашаньской Республики, во главе с Дэ-ваном, а также ее краха в результате победы китайских коммунистов.

В параграфе 5.3. «Государствоподобные образования в восточных и центральных районах Внутренней Монголии. Статус Хулун-Буира после Второй мировой войны» проанализирован процесс объединения земель Внутренней Монголии и образования Автономного района Внутренняя Монголия в КНР. В этот период на территории Северо-Восточного Китая было созданы несколько образований, часть из которых боролась за государственный суверенитет, а другая ориентировалась на поддержку Коммунистической партии Китая в борьбе против Гоминдана. В декабре 1949 г. автономное правительство Внутренней Монголии было преобразовано в народное правительство Автономного района Внутренняя Монголия со столицей г. Гуйсуй (Хух-Хото).

В Заключении подведены общие итоги исследования. Диссертант пришел к выводу, что «на протяжении всей своей истории с момента формирования в XVII в. в Южной Монголии в качестве обособленной области среди распавшейся империи Чингис-хана ее (Внутренней Монголии – рец.) государственность развивалась по собственному сценарию» (т.2, с. 339). По мнению диссертанта, эта специфика была обусловлена такими факторами, как близость к территориям, населенными ханьцами, и фронтальный характер территории, которая позволяла Внутренней Монголии на протяжении нескольких веков быть своеобразным амортизатором и буфером в борьбе ведущих держав за установления своего контроля в регионе. По нашему мнению, диссертант правильно отметил главную особенность развития и трансформации государственности Внутренней Монголии в конце XIX- в

первой половине XX вв. Она состоит в том, что многочисленные государственные структуры создавались не на голом месте, а на подготовленной почве, не на отрицании прошлого опыта, а на умелом использовании его при трансформации существующих государственных структур.

Диссертация П.Н. Дудина убедительно опровергает устаревшее представление о том, что опыт борьбы монгольского народа за суверенизацию и автономизацию во Внутренней Монголии в конце XIX–первой половине XX вв. носил ограниченный и незначительный характер. Это был сложный, длительный, многоплановый, противоречивый процесс борьбы народа Внутренней Монголии за сохранение национальной самобытности, традиционной системы самоуправления, территории, старых государственных традиций в условиях, когда Внутренняя Монголия превратилась в арену конкуренции между ведущими державами региона за сферы своего влияния и экспериментальной площадкой для поиска форм управления монгольскими территориями при реализации геополитических планов Японии по созданию Великой Восточноазиатской сферы совместного процветания.

Высоко оценивая диссертацию в целом, следует отметить, что она не лишена отдельных недостатков и неточностей.

1) Объем диссертации необычно большой, более 800 страниц, представлена в 2 томах, что превышает обычный объем докторской диссертации.

2) В историографическом обзоре и библиографии не упомянуты работы С.Д. Дылыкова, в том числе монография «Демократическое движение монгольского народа в Китае».

3) Категория "государствоподобное образование", используемая в диссертации, как отмечает сам диссертант, до настоящего времени не является устоявшимся в юридической и политической науке (т. 1, с. 13). В

связи с этим, рационально опираться не на эту категорию, а на устоявшиеся критерии государства (например, согласно Конвенции Монтевидео 1933 г.).

4) О Дэ-ване. "Однако опора на Японию, в частности на командование Квантунской армии, нивелировала возможные положительные моменты, а переоценка собственной важности и значимости для японской стороны, объясняемая отсутствием достаточного политического опыта, не только поставила регион в прямую зависимость от оккупационных сил, но и привела к многочисленным жертвам, превратив Дэ Вана из национального героя в предателя, а автономистское движение – из борцов за монгольские интересы в коллаборационистов" (т. 1, с. 14). В диссертации нет сведений о числе жертв и доказательств коллаборационизма и предательства монгольских интересов Дэ-ваном. Опора на Японию в борьбе за независимость от Китая была для него единственным шансом достичь этой цели.

5) "составлено в царствование китайского императора Цянь-луна" (т. 1, с. 146). Империя Цин не была Китаем (который сам был частью империи Цин). Так что Цяньлун был не китайским, а цинским императором.

6) Отлично описана динамика административно-территориального деления Внутренней Монголии в 1920-х – 1930-х гг. Действительно, китайское правление во Внутренней Монголии было колониальным (т. 1, с. 161-164). Однако нет доказательств легитимности введения там внутрикитайской системы административно-территориального деления в 1920-е гг.

7) "Лишь Монголия была конституционной монархией" (т. 1, с. 214). Монголия была не конституционной, а ограниченной монархией. Конституция до смерти Богдо-гэгэна VIII в 1924 г. не была принята, а имевшиеся законы не являлись конституцией или ее аналогами.

8) О Барге: "удалось вернуть округ, который стоял на пороге независимости, под китайский суверенитет, не включив его в состав Внешней Монголии" (т. 1, с. 264). Барга была под сюзеренитетом цинских

императоров, а не под суверенитетом Китая. Так что говорить о возвращении не приходится.

9) Обозначение национально-освободительных движений во Внутренней Монголии в период Синьхайской революции и после нее "сепаратистскими движениями" "бунтовщиков", а сотрудничавших с Китаем монголов – "патриотами" (т. 1, с. 267, 281), вероятно, взято из китайских пропагандистских материалов, однако источники не приводятся.

10) Неверно, что Бавужав (Бабучжаб) "организовал сотрудничество с немецкой стороной, с которой Россия находилась в состоянии войны" (т. 1, с. 267). Наоборот, он задержал у себя немецкую диверсионную группу и сообщил об этом российским и монгольским властям (о чем и говорится в цитируемом выпуске "Вестника Азии"), а затем он эту группу уничтожил.

11) Соглашение 1915 г. в его оригинале обозначено как "Китайско-Русско-Монгольское", а не Русско-китайское (т. 1, с. 285).

12) Согласно публикации 1907 г., "монгольский вопрос переходил из области сохранения и обеспечения китайского суверенитета над его территорией в плоскость международных отношений" (т. 1, с. 288). В 1907 г. "китайского суверенитета" над Монголией не было: был сюзеренитет (не суверенитет) над ней цинских императоров.

13) Эджэн-Хоро является предполагаемым местом захоронения Чингис-хана (т. 2, с. 184). Мы никогда не встречали таких предположений.

14) Китайская колонизация не была прибыльной для хошунов (т. 2, с. 341). Они обычно фрагментировались, их монгольское население лишалось земель и беднело.

15) Автономному району Внутренняя Монголия "были предоставлены достаточные права и полномочия, позволившие завершить данный этап государствовоительства и перейти на новый – в новом государстве, под новыми лозунгами и с новыми целями, которые сохраняются в наше время и доказывают верность выбранного пути" (т. 2, с. 352). КНР – не федерация. Там признается только культурная автономия нацменьшинств. Так что

говорить о государствовроительстве Внутренней Монголии там не приходится.

16) Трудно принять аргументы в пользу того, что Внутренняя Монголия – это "сердцевина монгольского мира" (т. 2, с. 353). Нет доказательств, что там располагалась могила Чингис-хана. Последнее крупное монгольское государство – это Джунгарское ханство (не во Внутренней Монголии). Принятие маньчжурского подданства князьями внутренних монголов было как раз путем подчинения монгольского мира иноземцам. "Знание и уважение истории, сохранение традиций и гибкость в политических решениях" были путем реализации запроса на самобытность монголов в условиях угрозы китаизации не только во Внутренней Монголии, но и на других их землях.

17) В научной работе при обсуждении действий на монгольских территориях, включенных в Китай, следовало бы не отходить от нейтральной терминологии к обличительной в отношении действий японской и монгольской сторон и к оправдательной – в отношении китайской стороны.

18) Есть опечатки и неточности в употреблении отдельных терминов, монгольские имена часто искажены (приводятся их китаизированные варианты, взятые из использованных источников). Вот несколько примеров: П.К. Усатов (т. 1, с. 231 и др. – надо "П.К. Усатый"), ламаисты (т. 1, с. 217 – устаревший термин, надо "представители тибетского буддизма"), "службы в ламаистских монастырях, дьявольские танцы" (это какие?), "панихида по Чингисхану" (т. 2, с. 268), Дилай-Нур (т. 1, с. 217 – надо "Далай-нур"), Боян Манду, Мани Бадал, Ха Фунъя, Эрцин Бату (т. 2, с. 315 и др. – надо "Буянмандах, Манибадар, Хафунга, Эрхимбато"), имена Чэхэджа, Чэндэ, Дамдинсурэн, Амарлингуй и ряд др. пишутся слитно (т. 1, с. 227, 252, 268, 270) и др.

Отмеченные недостатки и пожелания носят преимущественно рекомендательный характер и не снижают общего положительного

впечатления от диссертации. Тема диссертации соответствует заявленной специальности 07.00.03 – всеобщая история (Новая и новейшая история).

Результаты диссертации соответствуют поставленной цели и задачам исследования. Основные научные положения, выводы и рекомендации обоснованы, опираются на личный вклад диссертанта, на анализ большого массива фактических данных, на современные методологию и методы исследования исторических, политологических и юридических наук.

Текст автореферата соответствует основному содержанию диссертации. Содержание диссертации соответствует содержанию и качеству опубликованных работ диссертанта. Основные научные положения диссертации изложены в 48 публикациях, в том числе 16 статьях в журналах, рекомендованных ВАК, в том числе в журналах, включенных в базы Scopus и Web of Science; 4 монографиях или разделах монографий на русском языке; 23 статьях в журналах, сборниках научных трудов и других изданиях на русском языке; 3 статьях на русском и английском языках, изданных в Казахстане, КНР и Польше; 2 учебных пособиях. Соавторы указаны в соответствии с объемом выполненной работы.

Диссертация Павла Николаевича Дудина на тему «Государственность Внутренней Монголии в конце XIX – первой половине XX вв.» является самостоятельной, законченной научно-квалификационной работой, соответствует п. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. и отвечает требованиям, предъявляемых ВАК к докторским диссертациям, а ее автор – Дудин Павел Николаевич – заслуживает присуждения ему искомой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.03 – всеобщая история.

Отзыв подготовили заведующий сектором Монголии Отдела Кореи и Монголии, главный научный сотрудник, доктор исторических наук Владимир Викторович Грайворонский и ведущий научный сотрудник, доктор исторических наук Сергей Львович Кузьмин.

Отзыв заслушан и утвержден на заседании Отдела Кореи и Монголии « 20 » ноября 2020 г., протокол № 4.

Заведующий сектором Монголии

Отдела Кореи и Монголии,
главный научный сотрудник,
доктор исторических наук

Подпись Грайворонский В.В.
УДОСТОВЕРЯЮ
Ученый секретарь ФГБУН ИВ РАН
А.В. Демченко
« 20 » ноября 20 20 г.

(специальность 07.00.03 – всеобщая история (Новое и новейшее время)

Владимир Викторович Грайворонский

Ведущий научный сотрудник,

доктор исторических наук

(специальность 07.00.03 – всеобщая история (Новое и новейшее время)

Сергей Львович Кузьмин

Руководитель Отдела

Кореи и Монголии,

заведующий сектором Кореи,

кандидат исторических наук (специальность 07.00.15 – История международных отношений и внешней политики)

Александр Валентинович Воронцов

Контактные данные:

Место работы: Федеральное государственное бюджетное учреждение
Институт востоковедения Российской академии наук
Адрес: 107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12.
Телефон: 7 (495)-621-18-84
E-mail: info@ivran.ru

Подпись Кузьмина С.Л.
УДОСТОВЕРЯЮ
Ученый секретарь ФГБУН ИВ РАН
А.В. Демченко
« 20 » ноября 20 20 г.

Подпись Воронцова А.В.
УДОСТОВЕРЯЮ
Ученый секретарь ФГБУН ИВ РАН
А.В. Демченко
« 20 » ноября 20 20 г.